

Время прощения*

Время прощения. Возможно, само это словосочетание производит странное впечатление. Что это — императивное указание прощать: «пришло время, пробил час, настал тот момент, та точка, в которой прощать, отпускать вину, дарить вину более чем необходимо»? Но кто, кого, зачем должен прощать? Кому понадобилось отдавать этот неадресованный приказ, не сообщающий ничего иного, кроме императива прощения? А если все-таки первое предположение оказалось ошибочным, и речь идет о некоей эпохе, «времени прощения», адресованной прошлому, но устремленной к будущему, призывающей «высокие» идеи? Эпохе, по отношению к которой мы оказываемся всего лишь зрителями, наблюдающими происходящее на сцене прощения? Безусловно, говоря о прощении, мы всегда имеем дело с некоей неизбежной нормативностью предписания, с тем, что обязывает нас и вместе с нами кого-то еще, разделяет участников-учредителей акта прощения на адресатов и адресантов, кающихся и снисходящих, зрителей и участников. В определенных политических и этических контекстах, со второй половины XX в. беспрестанно множась, поставленные вопросы приобретали первостепенное значение.

Однако в двух приведенных выше возможностях истолкования «времени прощения» присутствует одно, как представляется, существенное обстоятельство (если употребление этого слова уместно в данном случае). Дело в том, что фактически мы проблематизируем прощение как нечто принадлежащее времени, представляем его неким способом, актом наделения времени особыми ограничивающими значениями. Такая принадлежность,

---

* Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (XXXVI очередь — мероприятие 1.3.1, гуманитарные науки), проект «Национальное примирение в России, трансформации религиозных традиций» (Соглашение № 14.А18.21.0707).

являющаяся, безусловно, всегда у-местной, локализующей принадлежностью, неизбежно сопутствует любой попытке описать прощение. Нам сразу следует обратить внимание на то, что каждая попытка локализации несет в своем основании структурирование «смены эпох». Это то, чем оканчивается распря, и то, что предшествует примирению, период затишья или остановки перед вот-вот возобновляющимся потоком действий. И здесь, в лакуне затишья — один из парадоксов прощения состоит в том, что мы можем говорить о прощении только метафорически, никогда не достигая строгого или исчерпывающего описания, — принадлежность прощения времени исчезает. Более того, речь уже идет об обратной принадлежности, как если бы время представало в качестве прощения, и вместе с тем находилось от него в зависимости. Итак, время прощения — не эпоха, не период, не приказ, не побуждение. Время прощения — это его глубинные основания, предшествующие любому разграничению времени прощением. Последнее утверждение, как кажется, выглядит не более чем тавтологией, если не низводится до состояния абсурда. И действительно, как время прощения может предшествовать и утверждать (назовем несколько иначе, чтобы не запутаться) времени прощать?

Ответ на этот вопрос коренится в том, что именно мы можем сказать о смысле прощения. Человек, однажды задавшийся этим вопросом, невольно останавливается перед осознанием невозможности найти простое объяснение. Кажется, что первыми и наиболее распространенными предположениями будут примирение (мы прощаем, а значит — миримся), извинение (мы просим о прощении, а следовательно — заглаживаем свою вину, исправляем или устраняем те последствия нашего поступка, которые еще подвластны нам, для того чтобы дерзнуть «повернуть время вспять»), отпущение (мы говорим «иди с миром», освобождая себя от чувства негодования, избавляя обидчика от наказания). Но в этих ассоциациях, хотя и до некоторой степени исчерпывающе дающих описание неких ситуаций взаимоотношений, прощение странным образом исчезает, становясь неочевидным.

Очевидная неочевидность прощения заключается в том, что оно, в простоте и одновременно неоднозначности своего свершения, ускользает от непосредственного осмысления, отсылая либо к тому, что происходило до него, либо к грядущему. В состояниях «до» и «после» содержится ключ для возможной этической/исторической/политической оценки произошедшего, и вместе с тем утверждаются рамки или пределы прощения и его воздействия. Ощущение «ограниченности состояниями» возникает от того, что обращаясь к прощению, мы чаще всего имеем дело с неким актом, обладающим, подобно театральному действию, началом и концом, «четко очерченными» временными границами и ясной последовательностью сменяющих друг друга эпизодов, придающей ему структурную определенность (например, просьба о прощении — дарование прощения). Более того, в соблюдении последовательности действий нередко видится *само* прощение, и о нем говорится так, как если бы оно являлось тождественным своему акту. Но такая тождественность, по сути, иллюзорна. Она проистекает из того, что исходное событие прощения — *почти* чистый дар (Ж. Деррида подчеркивает невозможность полного отождествления двух этих понятий, несмотря на связь прощения и дара, запечатленную в латинских корнях слова «прощение»: *gift-forgiveness, done-pardone*¹) — теряется во множестве последующих нагромождений норм и смыслов (прощение как событие бессмысленно).

Когда в основании прощения скрывается (и не скрывается) абсолютный дар, оно представляет собой радикальный опыт, который, с точки зрения последующей интерпретации, алогичен, аморален, безумен. В этом опыте, если мы обратимся к философии дара или различным формам интерпретации обмена, совершается растрата, выходящая за рамки присущей обмену амбивалентности. Можно было бы всецело увлечься способностью выстраивать аналогии между прощением и даром, вплоть до их полного отождествления (мы уже упоминали об этом выше), но здесь предстает еще один парадокс прощения: такое отождествление оказывается

---

¹ См.: *Derrida J. One to Forgive: the Unforgivable and the Imprescriptible // Questioning God. Bloomington ; Indianapolis : Indiana Univ. Press, 2001. P. 21.*

невозможным как раз из-за проблемы несовпадения времени прощения и времени дара. Ж. Деррида описывает эту невозможность исходя из кажущейся привязки прощения к прошлому, «которое в то же время не наступает, делает прощение опытом, не сводимым к дару как таковому, к дару, обычно представленному в настоящем, в поднесении или в данности настоящего»². Нам следует обратить внимание именно на момент ненаступающего прошлого.

Когда мы говорили о времени прощения как об эпохе, наступлении момента, локализации, предполагающей, что действовать — прощать — становится необходимым, то выстраивали свое рассуждение в контексте общепринятой логики прощения, согласно которой в акте дарования вины происходит некоторое обустройство социального времени, в котором произошедшее уже не может быть оспорено или аннулировано. В частности, подобную точку зрения можно найти у В. Янкелевича, где воздействие прощения на прошлое и будущее заключается в том, что «ретроспективное и перспективное время воссоздают некую длительность и по одну, и по другую сторону мгновения: светящаяся точка интенции не только *обретает объемность*, но, став искрой интенции, еще и *создает эпоху*, и делает это *не спеша*. Миг благого движения души длится сам собою благодаря своим отзвукам и предвосхищению будущего, и фактически он займет определенную длительность; мгновение невинности переливается через края самого себя, распространяясь на некоторый промежуток времени»³. Таким образом, происходит конструирование прошлого, «поворот вспять» к границам того, что Х. Арендт называла неотменимостью человеческих дел⁴. Но может ли процесс обращения прошлого быть конечным?

Здесь следует сделать некоторые пояснения: проблематизируемое нами обращение прошлого признается исчерпывающим тогда, когда оно, застыв в некоторой точке (например, овеществленной: памятное место), перестает быть поставленным под вопрос для тех, кто оказывается связанным актом прощения. И действительно,

---

² См.: *Derrida J. One to Forgive: the Unforgivable and the Imprescriptible*. P. 22.

³ *Янкелевич В. Ирония. Прощение*. М. : Республика, 2004. С. 250.

⁴ См. *Арендт Х. Vita active, или О деятельной жизни*. СПб. : Алетея, 2000. С. 319.

в отличие от извинения, где произнесенные слова никогда не утрачивают своей принадлежности, «берутся обратно» в случае, если кто-то совершит негативный проступок повторно, прощение не аннулируется. В то же время, прощение не может быть представлено в качестве уже и навсегда состоявшегося: «Я сказал “опыт” прощения или дара, но здесь, где прощение и дар по возможности обобщены, поскольку они никогда не показываются тем, что обыкновенно называется опытом, представлением к сознанию или существованию, слово “опыт” уже становится оскорбительным... к примеру, — ограничить меня этим на время — апория, делающая меня не способным достаточно отдавать... быть достаточно настоящим для даруемого мною... таким, я думаю... я всегда должен быть прощен, испрашивать прощение за то, что не даю, за то, что никогда достаточно не дарю, никогда достаточно... не предлагаю»⁵. Иными словами, в данном случае время прощения подразумевается в качестве длительности, бесконечного становления, в то же время становления особенного, не или вне хронологического. Здесь нельзя не упомянуть выдвинутую В. Янкелевичем концепцию примиряющего/порывающего с прошлым становления и его изнанки: движения *от* будущего к прошлому⁶. Казалось бы, время прощения и призвано тому, чтобы стать изнанкой становления, поскольку в нем (времени прощения) утверждается препятствие на пути к «повороту вспять», не позволяющее отнестись к произошедшему как «свершающемуся снова и снова», устраняющее злопамятность.

В отличие от «лицевой стороны» становления, в изнанке речь не идет о забвении, или стирании следов памяти о произошедшем. Совершенный проступок уже не рассматривается как отдельное событие вне прощения, его в «чистом» виде более не существует, произошедшее не может оказывать влияния на последующий

---

⁵ *Derrida J.* One to Forgive: the Unforgivable and the Imprescriptible. P. 22.

⁶ «Всё, что идет вперед и “по ходу” истории, стремится к «лицевой стороне»; всё, что идет в противоположном направлении или плывет против течения, то есть к верховьям реки, стремится к “изнанке”» (*Янкелевич В.* Ирония. Прощение. С. 153).

ход событий и отношения между простившим и прощенным вне зависимости от изменений социального контекста. При каждом мысленном обращении к прошлому поступку, прощение «вновь» прощает и актуализирует само себя, вставая несокрушимой преградой на пути хотя бы мимолетной тени возрождающейся обиды. Таким образом, отношения между людьми строятся на иллюзорном забвении, которое в действительности касается лишь определенных эмоций, вызванных проступком до того, как он был прощен. Время прощения здесь разворачивается через событие, «которое дает и учреждает язык дара (давания) и получения (забирания)»⁷, где проступок и последующее за ним прощение становятся незабвенными, превращаясь в новую точку отсчета существования простившего и прощенного.

Собственно, именно невозможность забвения и бесконечная обращенность к прошлому, где происходит не только репрессирование повторной актуализации, но устраняется и сам момент застывания, окончательного опрошливания, не позволяет нам утверждать время прощения в качестве эпохи, локализованного периода, выдвигающего определенные нормы и требования поведения к тем, кто им захвачен. Мотив «изнанки становления», непреодолимый и (само)замалчиваемый составляет трудность политического использования прощения, содержащего комплекс моральных и юридических противоречий.

Однако время прощения есть нечто большее, нежели изнанка становления, оно не может быть всецело сведено к формам опрошливания. В таком случае из акта прощения исчезла бы та доля смысловой нагруженности, в которой воздвигается горизонт свободного или примиренного будущего (выше мы уже касались данной темы). Не означает ли тогда примиренное будущее, что время прощения предстает не только изнанкой, но и лицевой стороной становления? Более того, не утверждаем ли мы тем самым наличие некоторой точки отсчета, запускающей механизм разворачивания времени в *двух* направлениях сразу?

---

⁷ Керимов Т. Х. Поэтика времени. М. : Академический проект, 2005. С. 123.

Отчасти такое утверждение действительно имеет место: ведь в произнесенных словах «я прощаю», демонстрирующих человеку, что он более не является «рабом содеянного» и тем самым (говоря языком моральной философии прощения) восстанавливается в статусе полноценного морального субъекта, проектируется некоторая совместность будущего. Следовательно, речь идет о становлении как «обудуществлении», не отягощенном «ворохом воспоминаний»⁸. Проблема состоит лишь в том, что время прощения, по своей сути, не хронологично: оно является тем, что позволяет разрушить прежнюю, и сконструировать новую хронологию взаимоотношений, превращаясь в структурирующую ось, маркируя события и поступки.

Таким образом, здесь не предполагается выделения некоторой последовательности сменяющих друг друга этапов, в которых опрошливание обуславливает обусуществление, где последнее — всегда актуально. В прощении лицевая и изнаночная стороны становления скорее оказываются виртуальными измерениями времени, задаваемыми исходным различающим событием прощения.

Нам следует уделить внимание теме различения. Когда мы говорим о времени прощать как локализованном императивном времени, то также подразумеваем обязательное осуществление некоторой процедуры распознавания и отделения участников драмы — прощающего и прощаемого — от их деяний. Прощающий — более не тот обиженный и негодующий, что был прежде, и точно также прощаемый — не закоснел в своей поступке. Здесь в акте прощения происходит актуализация становления, и совершается (и вновь мы констатируем парадоксальность прощения) клятвопреступление.

Прощение и клятвопреступление выступают не только в качестве этических категорий. Клятвопреступление оказывается

---

⁸ Как могли бы мы сказать, немного перефразируя В. Янкелевича: «Если становление предстает как обусуществление, то его порыв тормозится тяжестью воспоминаний. Когда же оно является опрошливанием, “вотчину” воспоминаний, напротив, грызет... порыв обновляющего и безумно расточительного обусуществления» (Янкелевич В. Ирония. Прощение. С. 160).

вписанным в момент темпорализации в качестве актуальности становления, что выражается через клятву или обещание: «Будучи клятвой верности или клятвой злопамятности, клятвой благодарности или клятвой мести, немощное слово обещания вступает в неравную борьбу со всемогущей историей, и борьба эта... всегда приводит к клятвопреступлению»⁹. В. Янкелевич понимает клятвопреступление в контексте износа, где под воздействием хода событий, развития истории, стираются горечь и острота прошлого. Клятвопреступление, таким образом, выступает манифестом обудуществления, где время прощать может быть истолковано как время нарушать данные прежде обещания и, таким образом, как время принесения новой клятвы.

Время прощать, представленное в черед сменяющихся друг друга клятвопреступлений, содержит в себе лжесвидетельство как исходный, но, сразу оговоримся, лишенный негативной моральной окраски, которую мы уже готовы ему дать, принцип. В лжесвидетельствовании нет ни злого умысла или намерения, ни случайности — следствия прямодушия или глупости, ни стремления избежать ответственности за аномативность собственного убеждения, противоречащего тому, о чем говорится в тексте клятвы или присяги. «Лжесвидетельство... заранее вписано в структуру обещания или присяги... в стремление к справедливости. ...Я уже говорил вслед за Левинасом... с того момента, когда двое встречаются лицом к лицу, когда возникает вопрос о справедливости и законности, существуют уже более, чем двое. Трое существуют... с момента пересечения первого взгляда, обнаруживающего себя смотрящим. Тогда сама справедливость обрекает меня лжесвидетельствовать перед самим собой и выталкивает меня на сцену прощения»¹⁰.

Лжесвидетельствование предшествует этическому выбору, открывая виртуальное измерение длительности. Исходное различающее событие прощения — это и есть лжесвидетельствование, утверждение другого себя в качестве действующего, и в то

---

⁹ Янкелевич В. Ирония. Прощение. С. 161.

¹⁰ Derrida J. One to Forgive: the Unforgivable and the Imprescriptible. P. 49

же время — это допущение некоторого повиновения и позволения дать, даровать новое обещание. Речь, таким образом, идет не о моменте, связывающем двух людей в эйфории единения, равенства, обретенной справедливости, примиренного будущего. Это новое обещание призвано утверждению в границах мира и совместности, в нем подразумевается запрет на дальнейшее совершение негативных проступков, аналогичных тем, что некогда уже послужили причиной для нарушения взаимоотношений. Фактически мы оказываемся в ситуации обещания несуществующего обещания «такого более не повторится», которое даем, будучи прощающими, самим себе, ручаясь перед самими собой за прощаемого, а значит, (повторимся) лжесвидетельствуем.

Временем прощать объективируется очевидное переплетение прощения и обещания, где последнее выступает в качестве агента обудуществления, и условия возможности акта прощения, в котором обещание прощения встречается не реже, чем прощение «за обещание». В ситуации «я тебя прошу, если...» предполагается, прежде всего, обусловленность и выставление условия, и оттого в обещаемом прощении скрывается двойное условие: обусловленность обещания и собственно условие, за выполнение которого дается прощение. Но время прощения оказывается свободным от обусловленности, в нем в момент лжесвидетельствования между обещанием и ожиданием будущего образуется своего рода разрыв, заполнить который призвано движение опрошливания.

Ж. Деррида проиллюстрировал эту ситуацию на примере повествования об Аврааме, где в сердцевине драмы жертвоприношения лежит требование уничтожения обещания: «Исаак... само обещание, дитя обещания. Авраам был на грани жертвоприношения самого обещания, и вот почему он безмолвно просит прощения у Бога... за согласие положить конец будущему, и таким образом всему, что вдохновляло его веру...»¹¹. Исаак — воплощение клятвы верности (благодарность за верность), которую требуется нарушить, потому что само это нарушение оказывается вписанным

---

¹¹ *Derrida J. Literature in Secret: An Impossible Filiation // The Gift of Death and Literature in Secret. Chicago : Univ. of Chicago Press, 2008. P. 136.*

в условие клятвы. Авраам, таким образом, просит прощение за верность данной некогда клятве, но также и за то, что в самом акте просьбы о прощении, на которое он надеется, запечатлена надежда на примиренное будущее. Но к кому обращено это будущее?

Нельзя утверждать, что время прощения — это направленное время, как если бы событие прощения изначально содержало в себе интенцию, организуя диспозицию прощающего и прощаемого. Пример с Авраамом позволяет проиллюстрировать невозможность подобного представления. Действительно, в исходном различающем событии прощения субъект фактически отсутствует: прощает тот, кто пострадал, но дарует прощение лишь *уже* простивший, и точно также невидим и объект прощения.

Поставим вопрос: кто или что подпадает под прощение, нивелируется ли в движении опрошливания содеянное, или прощаемому дают понять: «мы признали, ты более не тот, кто совершил проступок»? Просящий прощения Авраам захватывается этой апорией прощения (ему не у кого и не за что просить прощения): в клятвопреступлении и подтверждении клятвы он видит момент единения с Богом, впрочем, недоступный никому, кроме самого Авраама, и свидетельствует о наличии некой общности. Чем более Авраамом ощущается собственное одиночество, поскольку переведение ситуации в поле межчеловеческих взаимоотношений, регламентируемых нормой, законом, пусть даже и установленных Богом, но приобретших свое повседневное измерение, с неизбежностью утверждает императивность времени прощать, тем сильнее его переживание общности с Богом. Здесь перед нами разворачивается пример *sensus communis*, воображаемого или невидимого сообщества, где «общее... обещается, но никогда не наблюдается как нечто присутствующее»¹². Идея примиренного будущего, постулирующая императивность времени прощать, как раз и порождается обещанием совместности или общности, даруемым в исходном событии прощения. Время прощения — это выставленность к обещанию, в основании которого уже присутствует принцип несдержанности.

---

¹² Керимов Т. Х. Неразрешимости. М. : Академический проект, 2007. С. 68.